

Троцкий ЛД
Ленинизм
и рабочие
клубы

М., 1924.

ИИЛ-Библиотека

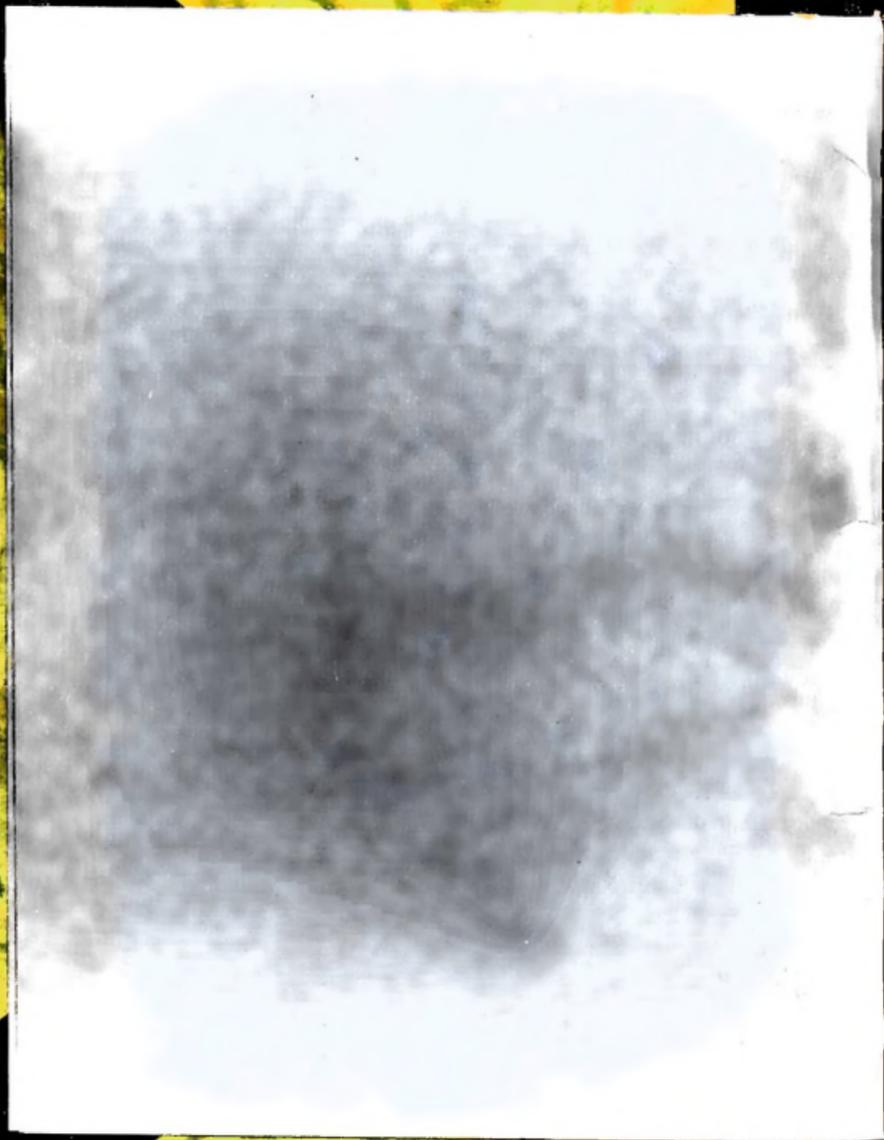
ЕН171

Л426

1-102

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

ЕН17

Л426

Л. Троцкий

ЛЕНИНИЗМ И РАБОЧИЕ КЛУБЫ

„КРАСНАЯ НОВЬ“

== МОСКВА — 1924 ==

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ

ЕМ 171
Л 426

Л. Троцкий
X

ЛЕНИНИЗМ И РАБОЧИЕ КЛУБЫ

(РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ КЛУБНЫХ
РАБОТНИКОВ 17-го июля 1924 г.)

„КРАСНАЯ НОВЬ“
== МОСКВА 1924 г. ==

ЕН-171

Л 426

БИБЛИОТЕКА

Литературно-художественная

при ЦК КПСС

1062534 ~~€9~~

~~30139~~

ВОЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
УПРАВЛЕНИЯ Р.-К. К. А.

Знаменка, 23.

Главлит № 24516.

Тираж 20.000.

ЛЕНИНИЗМ И РАБОЧИЕ КЛУБЫ.

(Речь на совещании клубных работников 17-го июля 1924 г.).

Мне, товарищи, доводится за короткое время сегодня выступать перед вторым всесоюзным съездом культурных работников. Будем надеяться, что самый факт этих съездов знаменует известный перелом, предвещает период более напряженной, более широкой культурной работы во всех областях.

1. Воспитательная работа до и после завоевания власти.

Для нас вопросы культурной работы неразрывно связаны с политикой, с социалистическим строительством. Это—азбука. Когда мы говорим о культурной, в частности—о клубной работе, которой суждено в общей системе нашей культурной работы занять исключительное место, то мы в первую голову имеем в виду пропаганду и осуществление на деле основных положений марксизма, или, в переводе на язык нашей эпохи, ленинизма.

Как-раз га этих днях я наткнулся на одну фразу Маркса, которую я, к стыду своему, позабыл было,—фразу, которая нас вводит сразу в существо вопроса. Совсем молодым, Маркс писал известному немецкому радикальному писателю Арнольду Руге: „Мы не вступаем в мир с новым доктринерским началом: вот тебе истина, на колени перед ней! Мы развиваем для мира новые основы из основ самого мира“. Превосходная формулировка, чисто-марксовская. Мы не приносим народу истину извне, как нечто несибасмэс и раз навсегда данное, и не говорим народу: „вот тебе истина, на колени перед ней!“ Нет, мы берем мир, как он есть, и из основ этого живого мира мы практически, действительно извлекаем приемы для построения нового мира. В этом—существо марксовского и ленинского метода. И культурным работникам Советской Республики нужно весьма и весьма продумать и прочувствовать эту мысль, ибо у нас марксизм через ленинизм впервые пришел к власти. И этот факт, открывая новые колоссальные возможности культурно-воспитательной работы, заключает в себе также и серьезные опасности, которые всегда нужно иметь перед глазами. Как-то мне пришлось сказать, что наша страна есть государственно-организованный ленинизм:!. Государственно-организованный, — стало быть, располагающий властью. Государство есть организация принуждения, и у марксистов, стоящих у власти, может быть иску-

шение и в культурно-просветительной работе среди трудящихся упростить свою работу по способу: вот тебе истина, на колени перед ней! Конечно, государство — это жесткая вещь, рабочее государство имеет право на принуждение и обязано применять его; против врагов рабочего класса—беспощадное применение силы; но в вопросе воспитания самого рабочего класса метод „вот тебе истина, на колени перед ней“, как метод культурной работы, противоречит самому существу марксизма. Способы и приемы пропаганды и воспитания—разные в то время, когда партия находится в подполье, и в то время, когда партия держит в руках государственную власть, но ленинизм, как метод мышления и как метод воспитания трудящихся, остается одним и тем же и в тот период, когда партия борется за власть, и после того, как она этой властью овладела.

Нам необходимо весьма и весьма продумать эту мысль. Все ее значение предстанет перед нами особенно ярко, если мы сопоставим путь развития молодого рабочего в старой буржуазной России или в любой капиталистической стране и ныне, у нас, в условиях Советской Республики. Прежде рабочий развивался из фабрики; у себя в мастерской он находил в живом опыте все те условия, которые помогали ему ориентироваться не только на фабрике, но и во всем обществе. Против него был капиталист, который его эксплуатировал, — классовый антагонизм, как основное начало для

ориентировки в обществе, был перед ним налицо. Были случаи стачек, где рабочий имел дело с полицией. В области квартирного вопроса он имел дело с домовладельцем, и, наконец, как потребитель, как покупатель, он имел дело с торговцем-эксплуататором. Таким образом, в замкнутой области своего повседневного жизненного опыта и, прежде всего, начиная с цеха, он сталкивается с классовым врагом в разных его ипостасях, в разных его проявлениях, — и этого было достаточно для первоначальной ориентировки в общественных условиях. Так ли у нас сейчас? Нет, не так. Возьмем молодого рабочего, то-есть такого, который не проходил старой фабричной школы при капитализме, а начал активно жить и работать после Октября. В моральном отношении условия его труда неизмеримо лучше, в материальном — далеко не всегда. Но на фабрике перед ним врага, который являлся бы причиной его все еще тяжелого материального положения, нет. Для того, чтобы ему, этому молодому рабочему, понять свое место на заводе, ему нужно понять свое место в обществе. Он должен продумать, что он, как часть класса, господствует в этой стране, что эта фабрика принадлежит его классу, и что он является здесь частицей коллективного хозяина. Если он живет, скажем, в доме, принадлежащем московскому или иному совету, то опять-таки он имеет перед собой не домовладельца, который его эксплуатирует, а себя же

самого. Чтобы научиться правильному отношению к своей квартире, к лестнице, к порядку и проч., он должен почувствовать себя частицей коллективного хозяина. Тут все повернулось вокруг своей оси. Рабочий в буржуазной России, как и во всякой буржуазной стране, имел основной опыт у себя на заводе, и когда он впервые слышал истины марксизма, они сразу ложились на узкий, но очень крепкий классовый опыт возмущения, ненависти и борьбы против эксплуататора. А теперь у нас этого нет. Эксплуататор стоит перед нами теперь в гигантском масштабе, в виде мирового капиталиста, который войнами, блокадами, вымогательством старых долгов задерживает наше развитие. На фабрике, на заводе положение ныне совершенно новое, и, чтобы взять здесь правильный тон, нужно понять свое место в общественных взаимоотношениях. Чтобы правильно ориентироваться в вопросе заработной платы,—можно ли или нельзя в данных условиях повышать ее?—в вопросе о бережном отношении к материалам и топливу или о производительности труда,—чтобы правильно разобраться во всех этих вопросах, рабочий должен опознаться в своем общественном положении, т.е. продумать все последствия того факта, что он есть господствующий класс. Стало быть, мы приходим к тому выводу, что в своем развитии рабочий буржуазной страны исходит от фабрики, завода, цеха и через посредство переходных ступней доходит до

ориентировки в обществе, а у нас теперь рабочему нужно разобраться в своем положении в обществе, чтобы не запутаться на фабрике. Это — разница колоссальная! Разница культурно-воспитательного подхода, вытекающая из разницы условий индивидуального и классового развития. Те обобщения, какие достаточны были рабочему в капиталистическом обществе, могли быть, по крайней мере — на первых порах, очень ограниченны. Сейчас рабочему, чтобы найти свое место, нужны гораздо более широкие и сложные обобщения. Зато и опыт его сейчас гораздо сложнее, разнообразнее. Но опыт этот раздроблен и его надо собрать, обдумать, обсудить, формулировать. Надо жизненный опыт рабочего — его заводский опыт, домовый, опыт члена кооператива, опыт красноармейца и проч. собрать воедино. В тот момент, когда этот разнообразный опыт критически собирается в голове рабочего, последний уже находит правильную ориентировку в обществе, а следовательно и на заводе, и в доме-коммуне, и в кооперативе... И вот клуб является одним из важнейших узлов, где пересекаются нити опыта, раздробленного и частичного, где они собираются воедино.

2. Место клуба в воспитательной работе.

Воспитывает в нашей стране коммунистическая партия. Но партия располагает сложной системой рычагов. Партия действует и через государство,

которым она руководит, и через профсоюзы, руководство которыми находится опять-таки в ее руках, и через клубы, значение которых будет возрастать и возрастать. Клуб представляет собой исключительно важный орган коллективной переработки раздробленного опыта рабочего класса именно потому, что клуб входит только в систему воспитания, но не в систему управления. Партия представляет собой действенный, а у нас — и правящий коллектив, который отграничивает себя от неподготовленных элементов — не в том смысле, конечно, что отрезает себе пути к этим элементам, а в том, что не может допустить неподготовленные элементы влиять на решения партии своими голосами. Партия устанавливает строгие правила вступления в ее ряды, строгую проверку и проч. Все это безусловно необходимо. Партия правит. Партия не может дожидаться, пока отсталые элементы разовьются до понимания сегодняшних событий, ибо сегодняшние события завтра станут вчерашними, а завтрашние станут сегодняшними. Партия ждать не может. Она должна активно откликаться на сегодняшние события. Партия дает формулы и лозунги; для членов партии и для рабочих, которые непосредственно за партией идут, эти формулы и лозунги наполнены всем живым опытом прошлого. А для более отсталой массы эти формулы как бы приходят сверху, иногда застигая врасплох. Чтобы их воспринять, как что-то свое, масса должна

подойти к ним по ступеням собственного своего опыта. И вот таким мостом между раздробленным, частичным, недостаточным, непродуманным еще опытом рабочего — не рабочего вообще, а данного живого рабочего или группы рабочих — и между политическими формулами, заданиями и директивами партии, — одним из важнейших мостов между ними является — должен являться — рабочий клуб. В этом его основное значение. Все остальное вытекает отсюда.

Петру I приписывают авторство фразы, которую, я думаю (я не проверял), он заимствовал у более древних военных писателей. „В уставах, говорит Петр, порядки писаны, а времен и случаев нету“. Т.-е. для неопытного воина, если он возьмет в руки устав, общие правила поведения в различных случаях боевой обстановки будут звучать, как отвлеченные повеления, которые висят над его головой, — как внешняя истина, перед которой нужно становиться на колени. Чтобы понять, надо проделать и проверить это на собственном опыте. „Времен и случаев“, как говорит Петр, т.-е. конкретных условий применения, в уставе нет. В умении сочетать общие уставные порядки с конкретными временами и случаями и состоит основная задача воинского обучения и воспитания. Общественно-воспитательный путь клуба ведет от „времен“ и „случаев“, т.-е. от конкретных условий опыта отдельного рабочего, группы рабочих, завода, района, к „порядкам“

устава, т.е. к общим выводам и общим нормам поведения, которые обязательны для класса в целом. Клуб не имеет, конечно, своей политики и не творит обобщений. Он их получает от партии, творчество которой он питает своим опытом. Клуб помогает тем рабочим, которых он вовлекает в свою орбиту, продумать, критически проработать свой опыт. На V съезде молодежи Ленин сказал: „Коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все приобретенные знания“. Переработаны — как? — на основе его личного, окружающего его группового и всего классового опыта. Клуб есть мост от обывательской жизни рабочего или работницы к гражданской жизни, т.е. к сознательному участию в государственном, профессиональном и партийном строительстве. Но клуб не покидает и рабочего, уже примкнувшего к коллективной работе через профессиональный союз, советскую организацию или партию. Клуб помогает такому пробужденному рабочему повысить свою революционно-гражданскую квалификацию. Если назвать клуб школой, то это есть школа гражданственности или школа повышения гражданской квалификации.

Но не только гражданской. Подъем культуры немислим без подема квалификации наших рабочих, без воспитания тяги к высокой квалификации, без выработки профессионального самолюбия.

Именно потому, что коммунизм не есть отвлеченный принцип: „становись на колени“ — и баста! — а есть метод построения нового мира, исходя практически из основ настоящего мира, — именно поэтому нельзя серьезно говорить о социализме, если при этом не устремляться всеми мерами к основной предпосылке социализма, т. е. к повышению производительных сил страны. Не надо закрывать глаза на то, что есть отзывы иностранных рабочих-коммунистов о нашем производстве далеко не всегда утешительны: работаем пока-что неумело, вяло, неспоро и пр. Сохраняя восьми-часовой рабочий день, как незыблемую базу развития пролетарской культуры, мы должны добиться гораздо более высокой производительности труда. Воспитать стремление стать производственным высокой квалификации — одна из задач клуба, который работает в этой области в теснейшей связи с профессиональным союзом. Поэтому курс на хорошего, квалифицированного революционного гражданина нерасторжимо связан у нас с курсом на хорошего, квалифицированного производственного. Вы знаете, что в Западной Европе, отчасти это и у нас так было, известная, а в некоторых странах очень значительная часть высококвалифицированных рабочих имеет тенденцию чувствовать себя аристократией, отделяется от остального класса и служит опорой социал-демократам, меньшевикам и даже еще более правым элементам, как в Америке. Если бы мы допустили что-либо

подобное у нас, это означало бы катастрофическое упущение в области воспитания рабочего класса, ибо у нас высокая квалификация рабочего должна быть всесторонней, т.-е. не только производственной, но и политической, и должна являться главой в повышении квалификации всего рабочего класса в целом, а не только его верхушки. Поэтому вопрос о выработке у передовых элементов рабочего класса умения, направленного на повышение своей производственной ценности, на понимание и хозяйства в целом, и мастерского овладения своим производством, — есть одна из важнейших задач клуба. Задача эта не может быть, разрешается, разрешена методом морализирования. Этот метод вообще не годится никуда. Задача может быть разрешена или, вернее, разрешаема, путем повышения интереса к производству, путем привлечения к беседам в клубе высококвалифицированных рабочих, являющихся в то же время высококвалифицированными коммунистами, путем возбуждения чувства профессиональной чести, производственной гордости, которые связываются непременно с вопросом об успехах всего нашего социалистического хозяйства.

Я сказал—и это для нас всех азбучно,—что ленинизм не есть совокупность истин, которые требуют внешнего поклонения, а есть метод мышления, который требует постоянного применения на опыте. Но это, конечно, не значит, что ленинизм изучается чисто-эмпирически, без теории,

без книжки. Книга нам, книга клубу для изучения ленинизма нужна. Об этом говорит резолюция XIII съезда нашей партии: „Пропаганда ленинизма должно быть отведено в общей работе клубов виднейшее место. Орудием нашей пропаганды должна быть библиотека клуба, для чего необходим соответствующий подбор литературы“. Скажу, не утаю, что подбор тут надо понимать и в смысле отбора, ибо книжек на тему о ленинизме появилось несметное число, и не все они одинаковой ценности. О ленинизме писать не легко... Многие из наспех написанных книжек отметутся, как шелуха, а более ценные должны перерабатываться и далее. Отбор таких книжек для клуба есть существеннейший вопрос, который может быть разрешен лишь путем коллективной клубной и библиотечной работы.

Я хотел бы тут же, к слову, предостеречь от одной довольно распространенной ошибки, от неправильного отношения к тому, что называется популярностью книжки. Конечно, надо писать как можно проще, но без ущерба для существа вопроса, без искусственного упрощения темы, без молчаливого обхода ее важных сторон. Изложение должно соответствовать теме. Поскольку мы хотим через клуб поднимать также и теоретическую квалификацию передовых рабочих, постольку их надо вводить в область очень сложных идейных интесов. Тут надо учиться! Есть книжки, которые воспринимаются так, как воду пьешь, но и уходят

они, как вода,—не задерживаются в сознании. Учиться ленинизму—это большая работа, и так и нужно к этому относиться, не поверхностно, не слегка, а с киркой в руке врезываться в область ленинизма. Конечно, не всякая книга для всякого годна: должно быть соответствие между личным опытом читателя, общим уровнем его развития, способностями и между тем захватом ленинизма, который в книге дан,—но относиться к делу так, будто можно изложить ленинизм в форме, доступной всякому без затруднений, нельзя. То, что берется без затруднений, ничего не стоит во всех областях. Конечно, популярность есть одно из важнейших требований, которое мы должны предъявлять ко всем писателям для рабочего класса, но наивно думать, будто способом изложения можно преодолеть все трудности, заключающиеся в существе вопроса. В чем состоит здоровая популярность? В том, что изложение соответствует теме. „Капитал“ популярнее не изложишь, чем изложил Маркс, если возьмешь вопрос во всей глубине, философскую работу Ленина об эмпириомонизме также популярнее Ленина не изложишь. Где же выход? К этим книгам нужно добираться по ряду ступеней, только так их и поймешь, другого способа нет и не может быть. Сюда же относится широко распространенный предрассудок, с которым боролся еще старик Энгельс, насчет иностранных слов. Разумеется, нагромождать иностранные слова, особенно мало употребительные,—

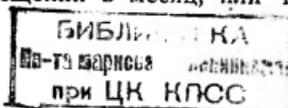
никуда не годная манера. Еще хуже, однако, непонятные слова собственного производства, в роде наших трех и четырехчленных советских слов, которые в газетах у нас зря иной раз загромождают текст и которые ни в одном словаре иностранных слов не найдешь. Сокращения слов допустимы, когда их знают и понимают. Бывают сокращенные и составные слова, пригодные для канцелярий, для ведомств, но в газетах и книжках общего назначения они только мешают. И наоборот: есть иностранные слова, научные термины, которые необходимы рабочим. Нужно иметь словарь, нужно, чтобы заведующий клубом был квалифицированным работником, чтобы он сам шел вперед, учился и шел вперед других. Но нельзя создавать для рабочих литературу, которая китайской стеной отделялась бы от остальной литературы, где применяется известная терминология, в состав которой входят и иностранные слова. Нужно расширять словарь рабочего, ибо словарь — это набор инструментов мысли. Расширение обиходного словаря рабочего — тоже одна из задач клуба.

3. Посещаемость клубов.

Перейдем теперь к вопросу о посещаемости. Основная задача клуба, как я уже сказал, — служить мостом между личным, частичным, жизненным опытом, производственным, семейным и всяким иным, и между обобщениями ленинизма, т.-е. лозунгами

и директивами коммунистической партии. Это возможно лишь в том случае, если в клубе частичный жизненный опыт будет воедино собираться, а это, в свою очередь, осуществимо лишь в том случае, если в клубе вообще будут собираться, т. е. если в клуб будут ходить. (Смех). Это первейшее и необходимейшее условие, которое не всегда, как вы знаете, осуществляется в жизни. Я получил от товарищей, работающих в клубной области Главполитпросвета, очень ценные материалы и документы, и в частности—статистику клубной работы. Она очень несовершенна, как и вся наша советская статистика пока что, но дает все же интересные указания. В Советском Союзе у нас есть приблизительно 2.500 клубов. О посещаемости дали из них справки 561 клуб. Думаю, что мы не ошибемся, если выразим подозрение, что справки дали не худшие клубы, а те, которые, так сказать, не очень стеснялись говорить о посещаемости. Эта справка гласит, что если разделить общее число посещений на эти 561 клуб, то получится 13 посещений в день. Да, всего-на-всего 13 человек в день! Если теперь предположим, что все остальные клубы не хуже,—а это будет слишком великодушное допущение, потому что, повторяю, сведения, вероятно, дали более посещаемые клубы,—и если мы нашу среднюю цифру распространим на все 2.500 с лишним клубов, то получится около 33.300 человек в день, или миллион посещений в месяц, или 12 миллио-

1068534

~~30139~~
 30139

нов посещений в год. Дальше уже множить не будем—на более длительный период. Эта цифра посещений—12 миллионов—на первый взгляд очень внушительна, но нас интересует число захваченных клубами людей. Конечно, если мы предположим, что перед нами 12 миллионов человек, то это значило бы, что они посещают клуб раз в год. А кто посещает клуб раз в двенадцать месяцев, тот вообще его не посещает. Допустим, что в среднем на человека падает одно посещение в месяц—это не часть!—тогда выйдет, что клубы захватывают все вместе миллион человек, голько всего! В жизни это выглядит значительно иначе. Вероятно, есть тысяч 300—400 человек, которые ходят часто, два-три раза в неделю, потом 100—200 тысяч, которые ходят в среднем раз в неделю, потом известное число таких, что бывают в клубе раз в месяц, и потом еще довольно большое число таких, которые заглядывают в клуб время-от-времени, случайно, по знакомству и пр. Но в среднем все же получается миллион человек, считая одно посещение на человека в месяц. Конечно, это очень маленькое число, убийственно маленькое! Его нужно перед собой всегда иметь,—ни в коем случае, конечно, не в укоризну клубным работникам,—а для характеристики крайне еще слабого размаха всей нашей культурной работы. Это такая же цифра, как и цифры, характеризующие число безграмотных в нашей стране, число ребят, которые не могут учиться за отсут-

ствием школ, и другие плачевные цифры. Они указывают нам, что сделать остается неизмеримо больше, чем сделано до сих пор. Вопрос о расширении емкости клубов, об увеличении их притягательности для масс теснейшим образом связан со всей проблемой нашей культуры; но я думаю, что одно условие надо выделить особо, как момент исключительной важности, без правильной постановки которого мы даже и дороги не найдем к другим сторонам вопроса о расширении влияния клубов. Этот момент касается добровольческого характера клубной работы.

4. Ни тени принуждения!

XIII съезд партии говорит об этом: „клуб должен быть организован на основе добровольного членства, обеспечивающего максимальную активность его членов“. Разумеется, принудительности в этой области нет, по крайней мере, явной и прямой, но принудительность может быть невольной, косвенной и замаскированной. Этот вопрос есть в наших условиях ключ ко всем другим вопросам. Товарищи, рабочий класс имеет перед собой государство, партию, профсоюзы, кооперацию, имеет клубы и проч. Государство по самому существу своему есть организация принуждения, а в революционную эпоху, особенно в трудные часы революционной эпохи, — организация сурового принуждения. Мы не забыли еще,

что мы все прошли через военный коммунизм. И если бы довелось снова спасти Республику в тяжких условиях от внешних врагов, то мы не зарекаемся от того, чтобы снова прибегнуть к военному коммунизму. Государство есть аппарат принуждения, иначе быть не может. В отличие от государства партия есть добровольная организация единомышленников. Но наша партия руководит государством, ее судьбы тесно связаны с судьбами этого государства. Поэтому известные элементы принудительности неизбежно связываются с деятельностью и ролью нашей партии. Профсоюзы организационно захватывают массу шире, чем партия, они не ставят своим членам предварительных условий, кроме общего условия классовой добросовестности. Но и профсоюзы имеют прямое и притом руководящее отношение к регулировке материального положения рабочих. Через завкомы профсоюзы играют крупнейшую практическую роль на заводе. Элемент не то чтобы прямого командования, но известный элемент властвования ложится и на профсоюзы. Конечно, от умения, от такта, от правильности линии завкома и профсоюза в целом зависит, воспринимается ли этот элемент властвования жестче или мягче, но он есть и он неизбежен. Совсем иное положение клуба. Вот, где элементы властвования, командования, приказывания, распоряжения ни в коем случае не могут и не должны иметь места. Мы здесь возвращаемся к тому, с чего я начал. Ле-

низм не есть начало, навязываемое извне: вот, мол, тебе истина, на колени перед ней! Нет, это не ленинизм. Надо дать возможность каждому рабочему, в данном случае каждому члену клуба, исходя из своего опыта, доработаться до истин ленинизма. Клуб не есть организация действия и уж, конечно, ни в малейшей степени не организация властвования. Намек на властвование в клубе или через клуб губит клуб. Школа принудительна, а клуб свободен. В клубе должно царить начало полного и безусловного добровольчества. Если рабочий видит в заведующем клубом или в правлении его начальство, хотя бы в маленькой степени, то это есть коренная и опасная неправильность, которую необходимо устранить. Никакой принудительности! Никакого намека на принудительность! Никакого приказывания! Никакого намека на приказывание!.. Надо прямо сказать, что, если рабочий, придя с фабрики в клуб, почует там хоть чуть-чуть душок административного давления, хотя бы косвенного, то он при первой оказии уйдет в пивную — и будет прав. Мало-мальски сознательный рабочий знает, как нужна, как необходима железная дисциплина в революционной стране, окруженной со всех сторон врагами. Он готов на жертвы по линии производственной, по линии военной, когда нужны общие усилия для обороны страны. Но когда он приходит в клуб, чтобы обменяться опытом, то здесь он должен себя чувствовать, как равный среди

равных, товарищ среди товарищей, где дружески объясняют, где внимательно и просто склоняются к его неведению, где не приказывают, где не издеваются, где нет и намека на внешнее давление, где он у себя и дышит свободно. Это есть основное условие успеха всей клубной работы, ибо только при наличии его выясняется, привлекает ли клуб к себе своей работой или отталкивает, именно, как клуб, повседневным внутренним содержанием своим.

У нас сейчас существует и создается много обществ, основанных на добровольческих началах: „Долой неграмотность!“, общество помощи безпризорным детям, помощи жертвам мировой революции, Воздухофлот, Доброхим, говорят об обществе содействия кино, об обществе друзей нового быта и т. д., и т. д. Далеко не во всех случаях в этой работе проводится действительно принцип отбора добровольцев. Сплошь и рядом все дело сводится к довольно формальному избранию или почти-что откомандированию группы рабочих для новой работы. Это нецелесообразно и недопустимо. Такие объединения, если мы хотим, чтоб они имели действительно воспитательное значение, должны быть радикально освобождены от прямой или косвенной принудительности,—не потому, что эта принудительность тяжка, а скорее потому, что ее не замечают. Доброхим, например. Я нарочно возьму эту организацию, как новейшую и более специальную. На эту тему я говорил с некото-

рыми заведующими клубами, на небольшом совещании, и встретил с их стороны полное сочувствие. Говоря о Доброхиме, мы, как сейчас видно будет, не отходим от клубной работы, — одно с другим теснейшим образом связано. Мы создаем Доброхим, общество содействия химической промышленности и военной химии. Как же его создать? Если пойти путем разверстки по заводам, путем наряда „добровольцев“, ничего не выйдет. Разумеется, можно на общем собрании, по предложению завкома или ячейки, избрать несколько человек, которые будут называться ячейкой Доброхима. Для статистики все в порядке, а на деле, — что они будут делать? — мне неизвестно, вам неизвестно и им самим подчас неизвестно. (Смех). Вся суть в том, чтобы на заводе разыскать и привлечь к делу людей, действительно интересующихся этим делом. Ведь на каждом заводе, в каждой мастерской имеется величайшее разнообразие индивидуальностей. Мы кого захватываем больше всего? Мы захватываем преимущественно революционного рабочего или администратора; этого требуют эпоха, характер нашего времени, задачи партии, профсоюзов, государства. Но среди массы рабочих есть много элементов, очень ценных в своем роде, но политически менее активных, чем другие. Есть рабочие, которые поглощены производством, как таковым, захвачены своей специальностью, стремятся подняться в ней, улучшить свою квалификацию, читают соответ-

ственные книжки, занимаются. Есть такие, у которых сильны научно-технические интересы, в том числе и к химии. Вот их найти надо и привлечь. Если мы на заводе, где пять тысяч рабочих, найдем для начала трёх рабочих, у которых есть внутренний интерес к химии, то это несравненно лучше, чем если общим собранием, по предложению завкома, предложено стать химиками несколькими популярным рабочим, и без того заваленным общественной работой. На этом втором пути ничего не выйдет, назначенные об этом забудут через месяц или полгода, и окажется пустое место. Но если у него есть живой интерес к химии, — а такие есть на любом большом заводе, — тогда дело будет твердо. А как их найдешь? Через клуб, через библиотеку, только там скажутся его индивидуальные интересы — в выборе книг, в беседе, в характере посещаемых им лекций. По мере усложнения задач общественной деятельности, все большей дифференциации ее, необходим тщательный индивидуальный отбор работников и на большую, и на малую работу. Только таким образом завод может выделить из своей среды активные ячейки для различных добровольческих общественных организаций. Такой индивидуальный отбор рабочих и дальнейшая их квалификация по характеру интересов, по родам духовного оружия могут быть обеспечены, под руководством партии и профсоюзов, только при помощи правильно и широко действующих клубов. Все эти добровольные об'

единения должны будут, в свою очередь, вокруг клубов об'единяться, через клубы обмениваться своим опытом и тем самым повышать свою гражданскую и всякую иную квалификацию.

5. Клуб и пивная.

Я упомянул, товарищи, что если рабочий почувствует в клубе элемент принудительности, хотя бы косвенной, то он уйдет в пивную. Но бывает и так, что пивная, иной раз, приходит в клуб (Смех). Я знаю, что это лишь часть очень большого и острого вопроса, но я не собираюсь здесь вопрос об алкоголизме и борьбе с ним поднимать в полном объеме, хотя думаю, что придется нам этим вопросом вскоре заняться вплотную, ибо он теснейшим образом связан с судьбой нашей хозяйственной и культурной работы. Но той части общего вопроса, которая связана с клубами, я коснусь и прежде всего приведу маленький факт, который прямо-таки поразил меня и который, мне кажется, нужно опубликовать, чтобы тем самым точнее проверить его. Дело касается Дворца Труда имени Ленина, речь идет о буфете. Вот что мне товарищ Шагаев сообщил, — у меня записано буквально: буфет сдан частному лицу в аренду; — почему? — потому, что кооперативы и Нарпит отказались от буфета без пивной. Клуб, тем не менее, сумел настоять на своем и сдал буфет частному лицу, ко-

торое работает по ценам МСПО, дает 20% скидки членам клуба и вносит 70 р. золотом в месяц арендной платы клубу. Факт маленький, но в высшей степени знаменательный! Рабочий клуб хочет устроить буфет, адресуется куда?—к кооперации, к Нарпиту, т.е. к организациям общественного порядка. Что отвечает кооперация?—без пива не пойду, невыгодно. Что отвечает Нарпит?—без пива не возьму, убыточно. Что делает клуб?—сдаст буфет частному лицу, а оно продает на 20% дешевле членам клуба против цен МСПО, платит 70 р. золотом арендной платы в месяц, да и само, надо думать, в накладе не остается. Товарищи, ведь это же величайший скандал и позор, что кооперация и Нарпит, то-есть те их органы, о которых в данном случае идет речь, идут таким недопустимым образом по линии наименьшего сопротивления, толкая к превращению клуба в пивную. Клуб пивом привлекает, тут уж не нужно заботиться ни о чем другом, поймай рабочего на пивной крючок,— не знаю, можно ли говорить о пивном крючке, так как пиво—вещество жидкое, но действует оно все же не хуже крючка,—поймай и тяни. А клуб при чем? А клуб с боку припека. В чем задача кооперации — научись продавать в буфете дешево, имей некоторую прибыль и поддерживай клуб. Нет, зачем хлопотать и утруждать себя (это подстать частному торговцу!), для чего же на свете существует пиво? Торгуй им, и дело твое обеспечено без хлопот.

Такова линия наименьшего сопротивления, для клуба и кооперации одинаково недопустимая, компрометирующая все дело, прямо-таки пагубная. Пример тем более ярок, что частный торговец показал, что можно обойтись и без пива. Кстати, я не знаю, в числе посещений в 12 миллионов в год, которые мы насчитали, какое именно количество падает на счет пивных посещений? Во всяком случае ясно, что буфет с пивом украшает статистику клубной посещаемости. (Смех). Говорят, что это, мол, все не так страшно, есть на этот счет правило, которое запрещает больше двух бутылок выпивать в клубном буфете. Правило мудрое, что говорить, но я не знаю, как вы контролируете это дело. Очевидно, нужно каждому члену клуба вставлять манометр для определения давления пивных паров. (Смех). Но манометр—очень дорогая игрушка и вряд-ли по средствам нашим клубам, а без этого, я думаю, соблюдение двух-бутылочной нормы должно доставить завклубами слишком много хлопот, которых у них и так довольно. Привлечь массу в клубы, конечно, можно и пивом, но отвлекать от пивной при помощи пива—это почти то же самое, что изгонять чорта при помощи дьявола. (Смех). Больших культурных завоеваний это не дает и, кроме того, маскирует тот факт, что клуб сам по себе не привлекает массы, а это хуже всего. Не из сообщений отвлеченного морализирования надо бороться против построения клубов на пивном фун-

даменте, а именно по той причине, что надо прежде всего побудить клуб привлекать массы своими собственными качествами, а не теми, которые имел в виду Толстой, когда говорил: „от ней все качества“.

б. Календарные кампании и вопросы быта.

Привлечь в клуб можно, если там есть жизнь, а жизнь есть проработка повседневного опыта в его наиболее крупных и важных проявлениях. С этой стороны можно только приветствовать решение последнего съезда партии, которое устраняет или смягчает один из элементов казенщины в работе клубов — многочисленные календарные кампании. Вот что говорит резолюция съезда на этот счет: „Сокращая число кампаний, сводя их к наиболее важным, необходимо неуклонно и регулярно освещать в процессе текущей работы важнейшие международные и внутренние политические события“. Действительно, заведующий одним из больших московских клубов тов. Суханов показал мне список кампаний, которые приходится проводить, и здесь поистине нельзя не сказать: мертвый хватает живого; вчерашний день мешает откликнуться на сегодняшний. Это особенно ярко можно видеть на одном примере, который я приведу, чтобы показать необходимость передвинуть клубный календарь. Большую роль в клубной жизни играет, как известно, Парижская

Коммуна. Конечно, Парижская Коммуна—событие большой исторической важности, но все относительно: Парижская Коммуна до Октября была гораздо больше, чем после Октября. А ведь во времени Октября были исключительной важности события, которые мы игнорируем: в Италии в сентябре 1920 г. была своя итальянская Коммуна которая кончилась крушением и победой фашизма. В марте 1921 г. произошло героическое восстание в Германии. Наконец, в прошлом году в Германии было мощное революционное движение пролетариата, которое кончилось жесточайшим поражением — без боя. Мы все, старшее поколение, готовились к Октябрю в значительной степени на истории Парижской Коммуны; конечно каждый сколько-нибудь просвещенный революционер и занимающийся молодой рабочий должен иметь представление о Парижской Коммуне. Но несравненно важнее для коммуниста сегодняшнего дня и для воспитывающегося в коммунисты молодого рабочего знать и понимать, почему потерпело поражение революционное восстание итальянского пролетариата в сентябре 1920 г., революционное восстание германского пролетариата в марте 1921 г. и, наконец, колоссальное, беспрецедентное революционное движение германского пролетариата в течение 1923 г. И если уж выбирать для клубной работы между Парижской Коммуной и прошлогодним революционным движением германского пролетариата, надо обе руки

поднять за прошлый год. Почему? Потому что это дает живую ориентировку для сегодняшних событий. Даже и молодой рабочий, если он будет иметь перед глазами вот эти вехи—Октябрьская революция, итальянское восстание, мартовское восстание, прошлогоднее революционное движение в Германии,—то у него будет перспектива для нынешнего мирового движения, он почувствует ритм событий, он тверже, увереннее, осмысленнее будет ждать дальнейшего развития революции, будет понимать, в каких условиях она может победить или потерпеть поражение.

Но недостаточно придвинуть ближе клубный календарь. Надо итти в ногу с событиями и запросами сегодняшнего дня. Здесь мы подходим к вопросам быта. Насколько я знаю, у вас на эту тему будет доклад тов. Плетнева. Я скажу поэтому лишь два слова, не забираясь в его область, чтобы затем с ним немножко пополемизировать в плоскости принципиальной. В области вопросов быта, т. т., у нас есть две крайности, которые, я полагаю, будут изживаться, — это: бытовое безразличие, которое прикрывается разными соображениями, а иногда ходит неприкрытым, — с одной стороны, и бытовое фантазерство — с другой. Иногда они довольно хорошо мирятся друг с другом. Бытовое безразличие, как сказано, иногда пытается теоретически обосновать себя: зачем, дескать, нам заниматься вопросами быта,

ведь быт — это надстройка, а фундамент — производство; когда переменится хозяйство, все само собой переменится... Это звучит страшно по марксистски, но это страшно невежественно. (Смех). Все надстройки рождаются на экономическом фундаменте, и если так рассуждать, то и политической заниматься не стоит, ибо и политика зарождается на производственном фундаменте. Но в том и дело, что без политики фундамент не изменится, ибо политика и есть инструмент для перемены этого фундамента. То же самое и с бытом: быт слагается на основе производства, но он имеет свойство отставать от изменений в хозяйстве и его нужно подгонять революционным бичем, а если революция у власти, она может сделать это организованным нажимом, примером, пропагандой и проч. Конечно, мы не можем обскать наш хозяйственный фундамент и создать какие-либо идеальные фаланстеры (общежития) на основе нашей бедности, но то, что хозяйственные условия подготовили, должно быть сделано. В этом и состоит задача. Противоположная крайность, бытовое фантазерство, сводится к стремлению либо обогнать хозяйственные возможности, либо вообще абстрагироваться, мысленно отвернуться от них и заменить коллективно-общественную работу по перестройке быта индивидуальным морализированием, т. е. накачиванием каждого в отдельности определенными принципами более совершенного человека, из чего обыкновенно мало выходит проку.

Я знаю три попытки создания общества друзей нового быта... По моему, даже само название не вполне годится, оно может дать ложное направление мысли; уж скромнее сказать: общество улучшения пролетарского быта, тогда название не будет так сильно отдавать созданием „пролетарской культуры“. Я знаю три попытки: одна совершенно мертворожденная попытка была сделана в Москве; было выпущено воззвание, но осталось без отклика, и правильно: откликаться было не на что. (Смех). Из Харькова я получил письмо о создании общества друзей нового быта, повидимому, от молодых товарищей, одушевленных лучшими намерениями, но, боюсь, немножко повинных в идеалистическом фантазерстве. И еще совсем недавно я получил из Казани подобное же письмо, опять-таки от молодых товарищей. В Харькове поставлена задача насаждения коммунистической этики, эстетики и т. п. Все это как будто слишком общо, широковещательно, идеалистично. Когда я стал вчитываться в харьковскую программу, то оказалось, что под коммунистической этикой значится борьба против пьянства, неряшливости, ругательств и т. д. Задачи самые похвальные, но вывска коммунистической этики слишком широковещательна; ведь под эту „этику“ подойдет и культурный буржуа, который грязи не любит и вряд ли пьянствует и ругается, по крайней мере открыто. (Смех). Наконец, в Казани молодые товарищи поставили своей задачей „научную органи-

зацию жизни". Так и сказано: Н. О. Ж. — НОЖ. Я очень боюсь, т. т., что такой НОЖ неопытным людям давать в руки не следует. (Смех и аплодисменты). Этим я ни в каком случае не хочу осудить инициативу харьковских и казанских товарищей. Ни в каком случае. Но хотелось бы, чтоб эта инициатива сразу направилась по более реалистическому и деловому руслу. Еще когда мне пришлось впервые писать по этому вопросу, в моей книжке о быте я высказал большое опасение: с одной стороны, очень заманчиво было бы, писал я, организовать общество быта, но с другой стороны—опасно, что, не обеспечив себе прочной почвы под ногами, такое общество уклонится в сторону фантазерства. Оно на то и похоже. На самом деле революционизировать быт можно какими путями? Прямым воздействием на его составные элементы. Через Нарпит, который создает общественные столовые; через жилищную кооперацию, которая должна изменить жилищные основы быта; через организацию яслей, через клубы, через библиотеки, через добровольческие организации, которые ставят себе культурные задачи, скажем, через общество друзей кино, если мы его действительно создадим, чтобы сдвинуть кино с мертвой точки. Другими словами, мало создать организацию вокруг абстрактной идеи „ногого быта“, а надо создать ряд организаций, которые ставят перед собой определенные практические задачи в области быта. Только так его и можно

революционизировать. Эти целевые, практические организации не могут мириться с фантазерством. Тут каляканием делу не поможешь. Если ты Нарпит, то питай, создавай общественные столовые, а мы подсчитаем потом, сколько у тебя посетителей, и посмотрим, как ты их удовлетворяешь. Если ты Нарпит, а Дворец имени Ленина обратится к тебе с просьбой: „устрой мне буфет“, то ты не ставь ультимативно вопрос о пиве, иначе тебе с нами посчитаться придется. То же самое относится к жилищной кооперации. У нас уже есть первые орудия для воздействия на быт, для его перестройки. Эти орудия еще слабы, их нужно усиливать, развивать, ставя их под общественный контроль и создавая рядом с ними новые целевые органы для воздействия на другие стороны быта. На ряду с этим, в целях объединения раздробленного пока еще опыта названных организаций, нам необходимо будет на этом фундаменте создать общество для улучшения быта, а может быть, и общество „нового быта“, но не в пустоте абстракции, а на фундаменте из кооперации, Нарпита, жилтовариществ и пр., в составе руководителей, представителей и членов этих организаций. В деле проработки опыта разных „бытовых“ организаций рабочему клубу должно принадлежать важнейшее место. Клуб будет собирать в своих стенах разобщенных работников тех или иных бытовых отраслей, в пределах завода, района, или всего города, для обмена мнениями и обсуждения

вставших вопросов. Здесь будет формироваться общественное мнение для контроля над всеми общественно-бытовыми учреждениями и предприятиями. Это будет единственная, по моему мнению, реальная постановка вопроса в деле перестройки быта. На этом пути мы преодолеем и безучастие, и фантазерство.

7. Антирелигиозная пропаганда.

Остановимся еще на антирелигиозной пропаганде, как одной из важнейших задач в области быта. Я и здесь приведу цитату из резолюции XIII с'езда. Она короче: „Значительное внимание надо уделить естественно-научной — в скобках антирелигиозной — пропаганде“. Я не помню, давалась ли раньше такая формулировка: „естественно-научная“, а в скобках „антирелигиозная“. Если давалась, то теперь она авторитетно подтверждена. Это обозначает собой требование иного, нового подхода к той же задаче. Под действием благодетельного толчка, исходящего от вашего с'езда, от самого факта его созыва, я просматривал много печатного материала, который в обычное время просматривать не приходится, в частности — сатирический журнал „Безбожник“, где есть многочисленные, иногда удачные рисунки лучших наших рисовальщиков, — журнал, который, вероятно, играет свою положительную роль в определенных, преимущественно городских кругах, но который

все-таки вряд ли идет по главной дороге борьбы с религиозными предрассудками. Там неустанно ведется дуэль с Иеговой, Христом, Аллахом, единоборство талантливого художника Моора с богом, из номера в номер. Мы с вами, конечно, целиком на стороне Моора. Но если бы мы делали только это, или если бы это было основной работой, то я боюсь, что дуэль закончилась бы вничью... Во всяком случае совершенно очевидно и бесспорно, что нашу антирелигиозную пропаганду в целом мы никак не можем ставить в плоскость голого богоборчества. Этого для нас мало. Мы вытесняем мистицизм материализмом, расширяя прежде всего коллективный опыт масс, повышая их активное воздействие на общество, раздвигая рамки их положительного знания, — и на этой почве наносим, где нужно, и прямые удары религиозным предрассудкам.

Вопрос о религии имеет колоссальное значение и теснейшим образом связан со всей культурной работой и социалистическим строительством. Маркс в молодости своей сказал: „Критика религии — предпосылка всякой другой критики“. В каком смысле? В том смысле, что религия есть некоторое мнимое знание о мире. Мнимость этого знания вытекает из двух источников: слабости человека перед природой и нескладицы общественных отношений. Робя или пасуя перед природой, не разбираясь в общественных отношениях или пасуя перед ними, общественный человек пытается свести

концы с концами, создавая фантастические образы, наделяя их мнимой реальностью и становясь перед собственными творениями на колени. В основе этого творчества лежит практическая потребность человека в ориентировке, вытекающая, в свою очередь, из условий борьбы за существование. В религии выражаются поиски обобщенной ориентировки в окружающих условиях и в средствах борьбы за существование. В самой этой ориентировке имеются и практические, целесообразные правила. Но скреплено все это вместе мифом, фантастикой, суеверием, мнимым знанием. Поскольку все развитие культуры есть накопление знания и умения, постольку критика религии и есть предпосылка всякой другой критики: чтобы проложить путь для правильного или реального знания, нужно устранить фиктивное знание. Это верно, однако, лишь в том случае, если брать вопрос в полном его объеме. Исторически же не только в индивидуальных случаях, но и в развитии целых классов реальное знание в разных формах и пропорциях сочетается с религиозными предрассудками. Борьба с данной религией или с религией вообще и со всеми видами мифологии и суеверия бывает успешной тогда, когда религиозная идеология приходит в противоречие с потребностями данного класса в новой общественной ориентировке. Другими словами, если накопленные знания и потребность в знаниях не умещаются в рамках мнимых истин религии и

разрывают их, тогда достаточно бывает иногда одного удара критическим ножом, и шелуха религиозности спадает.

Успешность антирелигиозного натиска, который был нами проделан за последние годы, объясняется именно тем, что передовые слои трудящихся, прошедшие школу революции, т.-е. активного отношения к государству и общественным формам, легко стряхивали с себя шелуху религиозных предрассудков, в конце подорванных предшествующим развитием. Но положение значительно меняется, когда антирелигиозная пропаганда распространяет свое действие на менее активные слои не только деревни, но и города. Те реальные знания, какие ими приобретены, настолько ограничены и частичны, что им не тесно рядом с религиозными предрассудками. Голая критика этих предрассудков, не находя необходимых точек опоры в личном или коллективном опыте, не дает результата. Тогда необходимо бывает подойти с другого конца: расширить сферу общественного опыта и реального знания. Пути к этому очень различны. Общественные столовые и ясли могут дать революционный толчок сознанию женщины-хозяйки и чрезвычайно ускорить процесс ее отрыва от религии. Авиационно-химические способы истребления саранчи могут сыграть такую же роль в отношении крестьянина. Самый факт участия в жизни клуба, выводящий рабочего и работницу из тесных клеток семейной квартиры с иконой и лампадкой, есть

также один из путей к освобождению от религиозных предрассудков. И так далее, и так далее. Клуб может и должен измерять силу сопротивления религиозных предрассудков и находить обходные пути в смысле расширения опыта и знаний. Таким образом, и в антирелигиозной борьбе периоды открытой лобовой атаки сменяются периодами блокады, сапы, обходных движений. В общем и целом, мы именно в такой период сейчас и вошли, но это не значит, что мы в дальнейшем еще не перейдем снова к атаке развернутым фронтом. Нужно только подготовить ее.

Наша атака на религию была законна или незаконна? Законна. Дала она результаты? Дала. Кого она к нам привела? Да тех, кто предварительным опытом был подготовлен, чтобы освободиться окончательно от религиозных предрассудков. А дальше? Дальше остаются те, которых даже величайший опыт Октября не настолько потряс, чтобы их освободить от религии. И тут формальным методом антирелигиозной критики, сатиры, карикатуры и пр. достигнуть можно малого. А если слишком нажимать, то можно получить и обратный результат. Тут нужно снова сверлить скалу, — правда, не бог весть скала какая крепкая! — закладывать динамитные патроны, протягивать бикфордов шнур... Через некоторое время последует новый взрыв и новый обвал, т. е. новый народный пласт будет оторван от косной глыбы... Резолюция съезда и говорит нам о том, что мы

сейчас в этой области должны от взрыва и атаки перейти к более длительной работе расшатки, прежде всего путем естественно-научной пропаганды.

Чтобы показать, как неподготовленная лобовая атака на религиозные предрассудки может иногда дать совершенно неожиданные результаты, я приведу один в высшей степени интересный пример, совершенно свежий, который я знаю из уст отдельных товарищей, так как, к сожалению, в печати этот пример не был еще освещен. Дело идет о норвежской коммунистической партии. Как вы, вероятно, помните, в прошлом году эта партия раскололась на оппортунистическое большинство, под руководством Транмеля, и революционное меньшинство, верное Коминтерну. Я спрашивал товарища, жившего в Норвегии, каким образом Транмелю удалось увести за собой большинство,— разумеется, временно. Он мне указал, в качестве одной из причин, на религиозность норвежских рабочих-рыбаков. Рыбный промысел, как вы знаете, имеет очень низкую технику и целиком зависит от стихии,—это и есть база для предрассудков, для суеверий, и религия для норвежских рыбаков, как остроумно выразился товарищ, рассказавший мне весь этот эпизод, есть нечто в роде прозодежды. Там же, в Скандинавии, были интеллигенты, академики, которые кокетничали с религией. Их огрели, как и следовало, беспощадным хлыстом марксизма. Вот этим и воспользовались умело норвежские

оппортунисты для того, чтобы противопоставить рыбаков Коминтерну. Революционно настроенный, глубоко сочувствующий Советской Республике, всей душой стоящий за Коминтерн рыбак сказал себе: выходит так—либо за Коминтерн, и тогда без бога и без рыбы (смех), либо, скрепя сердце, отделиться. И он отделился... Вот каким острым углом религия врезывается иногда даже и в пролетарскую политику.

Разумеется, это относится в еще большей степени к нашему крестьянству, бытовая религиозность которого связана целиком с условиями его отсталого хозяйства. Полностью мы победим религиозно-бытовые предрассудки крестьянства только через электрификацию и химизацию сельского хозяйства. Это не значит, разумеется, что мы не должны пользоваться каждым отдельным техническим улучшением и вообще каждым благоприятным общественным моментом для антирелигиозной пропаганды, для достижения частичных обвалов религиозного сознания,—нет, все это для нас попрежнему обязательно,—но общую перспективу нужно охватывать правильно. Простым закрытием церквей, как действовали в некоторых местах, и прочими административными излишествами тут не только решающего успеха не достигнешь, но, наоборот, подготовишь усиленный рецидив религиозности... Если верно, что религиозная критика есть предпосылка всякой другой критики, то не менее верно для нашей эпохи, что

электрификация земледелия есть предпосылка ликвидации крестьянских суеверий. По поводу возможного значения электрификации земледелия я приведу замечательные слова Энгельса, которые до недавнего времени оставались неизвестными. Недавно т. Рязанов выпустил впервые переписку Энгельса с Бернштейном и Каутским,—письма исключительно интересные. Старый Энгельс представляется вдвойне обаятельным по мере того, как открываются новые и новые материалы, которые его ближе характеризуют и с идейной, и с интимной стороны. Я хочу сейчас привести цитату, касающуюся непосредственно вопроса об электрификации и устранении пропасти между городом и деревней. Письмо было написано Энгельсом к Бернштейну в 1883 году. А нужно сказать, что только в 1882 году французский инженер Дебре открыл способ передачи электрической энергии по проволоке на расстояние. И если я не ошибаюсь, на мюнхенской (во всяком случае, немецкой) выставке он демонстрировал передачу по простой телеграфной проволоке на 50, примерно, километров электрической энергии в одну—две лошадиных силы. На Энгельса, который был страшно чуток ко всяким завоеваниям в области естественных наук, техники и проч., это произвело колоссальнейшее впечатление, и он написал Бернштейну: „новейшее открытие Дебре... окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным упо-

гребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней". Владимир Ильич не знал этих строк, вся эта переписка появилась лишь недавно, она хранилась в Германии под спудом у Бернштейна, пока т. Рязанов не извлек ее. Не знаю, все ли товарищи знают, с каким не только напряженным вниманием, но и с какой напряженной любовью Ленин находил у стариков-учителей Маркса и Энгельса новые и новые доказательства их проницательности, универсальности их мысли, умения далеко заглянуть вперед. Не сомневаюсь, что эта цитата, где на второй день после того, как был продемонстрирован — в сущности в лабораторном масштабе — способ передачи электрической энергии на расстоянии, Энгельс через голову промышленности глядит уже на деревню и говорит, что новое изобретение есть могущественный рычаг для уничтожения антагонизма между городом и деревней, — не сомневаюсь, что Ленин ввел бы эту цитату в обиход нашей партийной мысли. Когда читаешь эти слова Энгельса, то кажется, что старый Фридрих со дна океана (он был сожжен, и прах его утоплен, по его завещанию) как бы перекликается с Ильичем на Красной площади....

Товарищи! Процесс ликвидации религии диалектичен. В нем есть периоды разного темпа, опре-

деляемые общими условиями развития. Клубы должны быть наблюдательными пунктами. Они должны постоянно помогать партии найти в этом вопросе надлежащую ориентировку; учесть момент, взять правильный темп.

Полная ликвидация религии будет достигнута только при развернутом социалистическом строе, т.-е. при такой технике, которая освобождает человека от унижительных форм зависимости от природы, и при таких общественных отношениях, которые лишены загадочности, которые прозрачны насквозь и которые не давят человека. Религия переводит на язык фантастических образов хаос природы и хаос общественных отношений. Только ликвидация земного хаоса может покончить навсегда с его религиозным отражением. Сознательное, разумное, плановое руководство всеми сторонами общественной жизни уничтожит навсегда всякую мистику и чертовщину.

8. Культурная работа и „пролетарская культура“.

Товарищи! Основное, что я себе наметил сказать о клубах, я сказал. Я хочу только эту работу включить в известную перспективу и перспектива эта, мне кажется, может быть правильнее всего дана, если мы критически подойдем к вопросу о клубе, как о „кузнице пролетарской классовой культуры“. Я беру формулу тов. Плет-

нева. Если я хочу с ним полемизировать то не потому, что не ценю его культурной работы которой, наоборот, придаю, как и все вы, большое значение, но думаю, что есть моменты в его теоретической установке в этом вопросе, который представляет известные опасности. В своей брошюре о клубной работе—издание 1923 г.—Плетнев говорит: „Сам клуб, как таковой, должен стать для всех его членов кузницей, в которой выковывается пролетарская классовая культура. Необходимо со всей остротой подчеркнуть, что строительство пролетарской культуры есть процесс классовой борьбы, очередной бой (бой!) пролетариата против буржуазного господства“. В статье этого года та же формула повторяется, но с очень интересным смягчением: „Клуб—центр подготовки пролетарской общественности, где пролетариат выковывает элементы пролетарской классовой культуры“. Там было сказано: „пролетарскую классовую культуру“ а здесь: „элементы пролетарской классовой культуры“, то-есть чуть-чуть осторожнее. Т-щи, отнюдь не из доктринерства и из придирчивости, а из соображений принципиального и тем самым практического характера я должен указать на то, что это неправильная постановка вопроса. В статье, которую я цитирую, т. Плетнев спорит с одним из профсоюзных работников (статьи этого последнего я не читал) и дает общую характеристику работы клуба, по-моему, вполне правильно, но

заканчивает теоретической формулировкой, которая наполовину ликвидирует позицию статьи. Как это в самом деле клуб будет выковывать пролетарскую классовую культуру? Что это значит? Тов. Ленин писал в одной из своих последних статей, „Страничка из дневника“, о пролетарской культуре. Эти строки цитировались много раз и цитировались часто для того, чтобы за цитатой скрыть мысли прямо противоположного характера,—прием, который встречается нередко. Вот что говорит тов. Ленин: „в то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой“, обнаружилось, что мы культурные неучи в школьном деле и т. д. „Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы“. Здесь по-ленински подчеркнута „обыкновенного цивилизованного“, т. е. буржуазного государства. Вот, мол, какого уровня нужно прежде всего достигнуть! В статье о кооперации Ленин говорит: „центр тяжести... переносится на мирную организационную „культурную“ работу“. И далее: „Если оставить в стороне (вопросы международной политики и революции) и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству“. А тов. Плетнев культуртрегерство (то-есть культурничество) всегда употребляет с

оттенком презрения и противопоставляет культуризму „выковывание пролетарской культуры“. Что же понимать под пролетарской культурой? Каким образом клуб может стать кузницей пролетарской культуры? Каким образом клуб, эта очень важная живая частица, но все же лишь частица нашей общественной ткани, частица, которая сама по себе не может, конечно, дать чего-то такого, что качественно отличалось бы от того, что дается всей общественной тканью,—каким образом клуб может быть кузницей пролетарской классовой культуры? Вопрос, который требует прежде всего ответа: что понимать под пролетарской классовой культурой? Мы строим всеми средствами, в том числе и через клубы, социалистическое хозяйство, социалистическое общество и, следовательно, социалистическую бесклассовую культуру. До завершения этого остается еще длительный переходный период, который тоже будет иметь свою культуру, пока еще очень нескладную, очень противоречивую. Я хочу вас понять так, что эту именно культуру переходного периода вы хотите называть пролетарской культурой. Разумеется, термин можно употреблять по-разному, и из-за слов мы не будем драться. Но нужно ясно условиться относительно содержания термина для того, чтобы без путаницы подойти к существу вопроса. Я возьму для сравнения другой, параллельный термин. Мы идем к социалистическому хозяйству через переходную эпоху. Как назы-

вается хозяйство этой переходной эпохи? Мы называем его нэп. Есть ли это научный термин? Ни в малейшей степени. Это условное обозначение за отсутствием более подходящего. Владимир Ильич нередко называл переходный режим государственным капитализмом, при чем каждый раз прибавлял: „в кавычках“, или: государственный капитализм совсем-совсем особого рода, чего многие не понимают, говоря прямо: государственный капитализм, и даже называя государственные тресты и синдикаты органами государственного капитализма, что, конечно, грубо неправильно, как разъяснил Владимир Ильич в статье о кооперации. Итак Лениным предложено очень условное название (в кавычках!) „государственного капитализма“ для переходного строя к социализму. Если угодно, давайте назовем этот переходный хозяйственный период периодом „выковывания пролетарского хозяйства“. Мне это не нравится, ибо не выражает сути дела (вся суть именно в переходности), но если будут уговаривать и скажут: возьмем в кавычки, да еще двойные, то я почти готов сказать: ну что ж, ничего не поделаешь, если это может доставить удовольствие тов. Плетневу. (Плетнев с места: никакого). (Смех). Тем лучше. Но ведь здесь же полный параллелизм: под пролетарской культурой, если брать это слово всерьез, должен быть базис в виде пролетарского хозяйства,—тем более, что культура от базиса малость отстает. И если вы отка-

зывается (и вполне основательно) назвать наше переходное хозяйство „пролетарским классовым хозяйством“, то вы тем самым уже изрядно подкапываете почву под абстракцией пролетарской культуры. Чем характеризуется наше хозяйство? В книжке о прогналоге Ленин раз'яснил, что в нашем переходном хозяйстве имеются значительные остатки патриархальщины, бесчисленные элементы мелко-товарного хозяйства, есть частно-капиталистические элементы, есть государственно-капиталистические элементы и есть, наконец, элементы социалистического хозяйства. Все вместе составляет хозяйство переходного периода, которое можно назвать „государственным капитализмом“ (в кавычках!) или, как некоторые предлагали, — товарно-социалистическим хозяйством. Насчет термина можно условиться, но понятие нужно охватить целиком. А культура переходного периода из чего состоит? Из остатков, еще очень властных, культуры дворянского периода, и не все в ней не гоже — Пушкина, Толстого мы не выкинем, они нам нужны, — из элементов буржуазной культуры, прежде всего буржуазной техники, которые нам еще нужнее... мы пока еще живем на буржуазной технике и в значительной степени на буржуазных спецах, мы еще своих заводов пока не построили и работаем на тех, которые получили из рук буржуазии. Культура переходного периода состоит далее из подавляющей мелко-буржуазной, то-есть прежде все-

го крестьянской некультурности. Она состоит из наших партийных и государственных усилий поднять культуру пролетариата, а за ним и крестьянства,—хотя бы до уровня „обыкновенного цивилизованного государства“. Она состоит из нашего социалистического строительства и, наконец, из нашего коммунистического идеала, который направляет наше строительство. Вот какие противоречиво-сложные элементы имеются в культуре (и бескультурности) переходного периода. Как же клуб может строить классовую пролетарскую культуру, это мне абсолютно непонятно! Что клуб, объединяя и сочетая разрозненный опыт рабочих, помогая им свой опыт перевести на язык политики, литературы, искусства, тем самым повышает культурный уровень известных слоев пролетариата и облегчает им социалистическое строительство—это бесспорно; но каким образом клуб, как таковой, может выковывать классовую пролетарскую культуру?! Это, действительно, сильно отдаёт лабораторной точкой зрения на культуру. Разумеется, можно отобрать десятки способных молодых рабочих и лабораторным путем учить их стихосложению, живописи, театральному делу. Полезно это? В высшей степени. Но надо, чтобы они реалистически представляли себе свое место и свою роль в общем хозяйственно-культурном развитии страны. А ставить перед ними перспективы создания клубным путем пролетарской классовой культуры—значит толкать их на путь, который может

привести их к тому, что они окажутся спиной к массе, т. е. к реальному процессу творчества социалистической культуры, и попытаются противопоставить этому процессу свою „чистую“ кружковую работу, как пытались уже в прошлом. Такие рецидивы возможны. Но ясно, что строить некую пролетарскую культуру по лабораторным методам Богданова—это не имеет ничего общего с ленинизмом.

Правда, выражение „пролетарская культура“ иногда употреблял и Ленин, но замечательно что он употреблял иногда это выражение в 19, в 20 г., а позже, насколько могу припомнить, перестал, именно потому, что опасался хотя бы косвенно, то-есть недостаточно определенным термином дать поддержку ложной точке зрения. Но в каком смысле упоминал Ленин о „пролетарской культуре“? В речи его на III съезде молодежи в 1920 г. говорится: „Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества“, — заметьте: планомерное развитие, а ни в коем случае не „бой“ и не клубное „выковывание“, — развитие в хозяйстве, в школе, в государстве, во всей работе, во всем нашем строительстве. Таким образом, Ленин употребляет термин „пролетарская культура“ только для того, чтобы бороться против его идеалистического, лабораторного, схематического, богданов-

ского истолкования. То, что нам в первую голову нужно, — это грамотность: грамотность простая, грамотность политическая, грамотность бытовая, грамотность гигиеническая, грамотность литературная, грамотность в области развлечений... Из грамотностей во всех этих областях слагается грамотность культурная. Скажут, пожалуй, что это внеклассовое как будто бы понятие. Ничего подобного! Пролетариат, он-то у нас правящий класс,—а дело идет именно о нем,—из сокровищ культуры, накопленных другими классами, именно он берет наиболее важное, неотложное, элементарное. Сейчас он должен усвоить себе элементарнейшую часть культуры: поголовную грамотность, четыре правила арифметики. Да если бы вся страна была у нас грамотна и знала четыре правила арифметики, то мы оказались бы уж почти в социализме, ибо социализм, как мы слышали, есть не что иное, как общество культурных, то-есть прежде всего грамотных кооператоров. Пролетариат у власти, он—хозяйин государства, о нем мы говорим, о повышении его культуры, здесь основной классовый критерий дан не только субъективно, но и объективно. Но нельзя брать клуб и говорить ему: „строй пролетарскую классовую культуру“, потому что он замкнется, повернувшись спиной к пролетариату. Нет, мы говорим: клуб, повышай культурно-гражданский уровень безграмотного, малограмотного и полуграмотного рабочего и этим самым подготавливай

социалистическую культуру. (Аплодисменты). Вот правильная постановка вопроса. И вот почему слова „культурничество“ Ленин не боялся. Конечно, мы издевательски употребляли это слово до завоевания власти, потому что „культурники“ не понимали главной предпосылки для культурной работы широкого исторического масштаба, — необходимости низвержения буржуазии и завоевания власти пролетариатом. Но когда власть завоевана, тогда культурничество является важнейшим содержанием работы построения социализма. Издеваться теперь над этим словом нельзя. Сейчас слово культурничество для нас, для революционеров, для коммунистов Советской Республики, совершенно потеряло тот крохоборческий оттенок, который имело раньше. На основе национализации промышленности, под диктатурой пролетариата, в стране, огражденной монополией внешней торговли и защищенной Красной армией, основная задача строительства социализма равносильна тому, чтобы заполнять шаг за шагом новую форму культурным содержанием. Работа культурническая есть для нас основная революционная работа.

Но, само собой разумеется, что мы не можем замыкаться в рамках советского государства, огражденного Красной армией. Во весь рост еще стоит перед нами вопрос мировой революции. Есть нации, государства, — и их большинство, — где основной вопрос состоит не в культурничестве, а в завоевании власти. И поэтому в цитиро-

ваной мною статье Ленина говорится, что наша работа на $\frac{9}{10}$ сведется к культурничеству, если отвлечемся от вопросов международной политики и революции. Но отвлечься от этих вопросов можно логически, в целях выяснения вопроса, а политически отвлечься нельзя. Вот почему наша культурная и культурническая работа в клубах и через клубы должна теснейшим образом примыкать к международной революционной работе. От всех шкивов мелких частных вопросов должны идти приводные ремни к маховому колесу мировой революции. Именно поэтому я указывал на такие вопросы, как события в Италии и Германии: это вехи революционного развития, необходимые для того, чтобы дать правильную ориентировку каждому рабочему в международной обстановке.

От мельчайших задач цеха и мастерской и до основных задач мировой революции, — все должно пройти через клуб. А для этого необходимо укрепить клуб, улучшить клуб, повысить квалификацию руководителей клуба, улучшить всемерно материальное положение клубов и клубных работников. Если Ленин писал о том, что мы должны поставить учителя на такую высоту, на которой он нигде в мире не стоит, то это, разумеется, полностью и целиком относится и к клубному работнику. Нам, может-быть, следовало бы сделать уже в ближайшее время опыт постановки во главе нескольких клубов работников первоклассного

масштаба — для опыта, чтобы посмотреть, что можно сделать с нашими ресурсами, с нашим человеческим материалом, при инициативе, при широком кругозоре. Если клуб и не является кузницей, где выковывается классовая пролетарская культура, то он есть одно из ценнейших звеньев всей нашей системы воздействия на трудящиеся массы и построения новой, социалистической культуры. Поскольку мы привлекаем все более широкие массы к общественной активности, клуб должен подвести их к ленинизму не как к грозной истине, являющейся сверху и требующей — „стань передо мной на колени“, а как к обобщению их собственного опыта, разрозненного, раздробленного, через клуб собранного, партией политически обобщенного, государством властно закрепленного. И если мы научимся через клуб учить каждого рабочего и работницу из основ этого мира извлекать основы нового мира, то мы не только сделаем их способными понимать этот мир, но научим их перестроить его, сделать его более широким, просторным и счастливым. (Шумные аплодисменты).

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

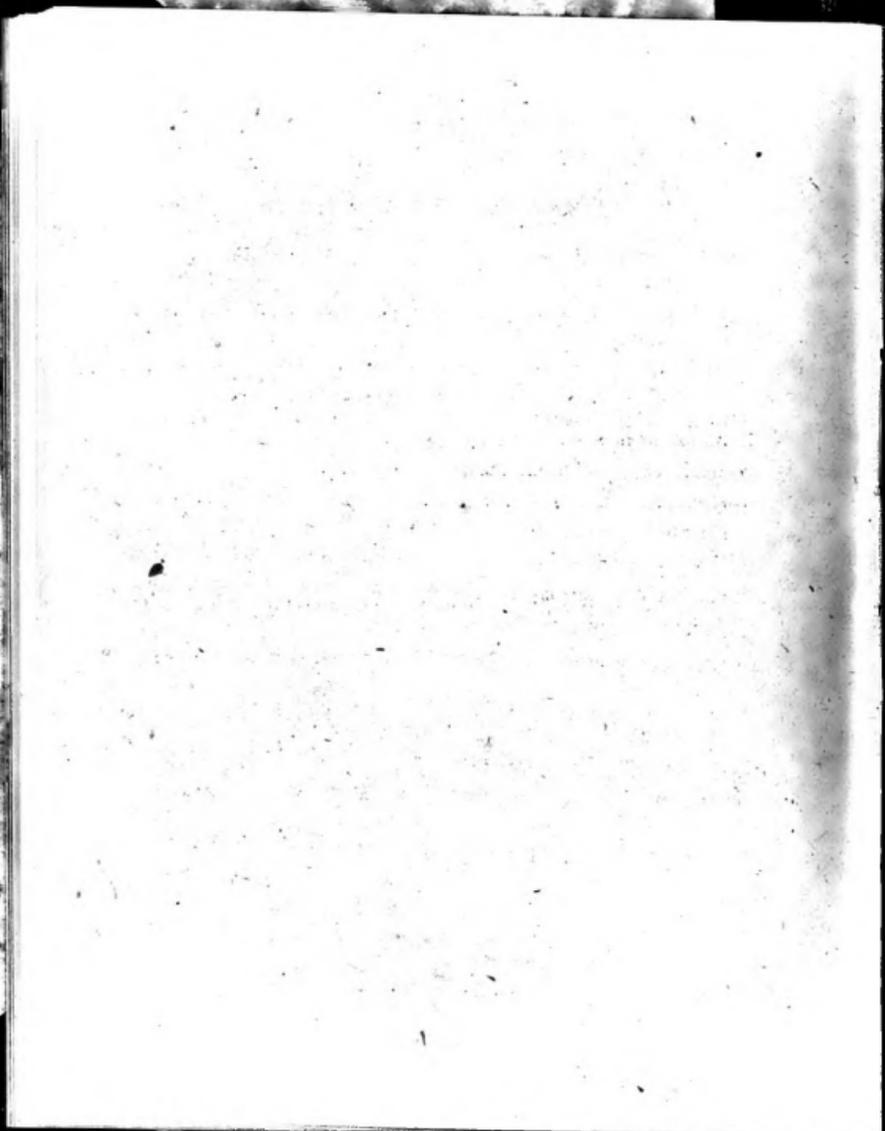
In the second section, the author outlines the various methods used to collect and analyze the data. This includes both primary and secondary data collection techniques. The primary data was gathered through direct observation and interviews, while secondary data was obtained from existing reports and databases.

The third section details the statistical analysis performed on the collected data. This involves the use of descriptive statistics to summarize the data and inferential statistics to test hypotheses. The results of these analyses are presented in a clear and concise manner, highlighting the key findings of the study.

Finally, the document concludes with a discussion of the implications of the findings. It suggests that the results have significant implications for the field of study and provides recommendations for further research. The author also acknowledges the limitations of the study and offers suggestions for how these can be addressed in future work.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР
Ленинизм и рабочие клубы.	
1. Воспитательная работа до и после завоевания власти . . .	3
2. Место клуба в воспитательной работе	8
3. Посещаемость клубов	16
4. Ни тени принуждения!	19
5. Клуб и пивная	25
6. Календарные кампании и вопросы быта	28
7. Антирелигиозная пропаганда	35
8. Культурная работа и „пролетарская культура“	44

Книги т. ТРОЦКОГО.

- Октябрьская революция. Изд. „Коммунист“. М. 1918 г.
- Итоги и перспективы. Изд. „Советский Мир“. М. 1919 г.
- Годы великого перелома. Люди старой и новой эпох. Изд. „Коммунист“. М. 1919 г.
- Годы великого перелома. Война и техника. Изд. „Коммунист“. М. 1919 г.
- Годы великого перелома. Бельгия и Сербия. Изд. „Коммунист“. М. 1919 г.
- Терроризм и коммунизм. Госиздат. П. 1920 г.
- Новый этап. Мировое положение и наши задачи. Госиздат. М. 1921 г.
- „1905“. Госиздат. М. 1922 г., 2-е издание 1922 г., 3-е издание 1924 г.
- Между империализмом и революцией. Госиздат. 1922 г. Изд. „Новый Мир“. Берлин. 1922 г.
- Война и революция. Том I и II. Госиздат. П.: 1922 г., 2-е издание 1924 г.
- Очерки политической Румынии (Л. Троцкий и Х. Раковский). Госиздат. М. 1922 г., 2-е изд. 1923 г.
- Вопросы быта. Изд. „Красная Новь“. М. 1923 г. 2-е изд. 1923 г.
- Коммунистическое движение во Франции. Изд. „Московский Рабочий“. 1923 г.
- Литература и революция. Изд. „Красная Новь“. М. 1923 г.
- Как вооружалась революция. Т. I, изд. ВВРС. М. 1923 г.
- Основные вопросы революции. Госиздат. М. 1923 г.
- От Октябрьской революции до Брестского мира. Изд. „Пролетарий“. Харьков. 1923 г.
- Очерки политической Болгарии. Госиздат. М. 1923 г.

- Поколение Октября. Изд. „Молодая Гвардия“. М. 1924 г.
Как вооружалась революция, т. II, изд. ВВРС. М. 1924 г.
О Ленине. Госиздат. М. 1924 г.
Пять лет Коминтерна. Госиздат. М. 1924 г.
Запад и Восток. Изд. „Красная Новь“. М. 1924 г.

Брошюры т. ТРОЦКОГО.

- Программа мира. Изд. „Книга“. П. 1917 г.
 В плену у англичан. Изд. „Книга“. П. 1917 г., 2-е изд. ВЦИК. М. 1918 г.
- Жан Жорес. Изд. „Книга“. П. 1917 г., 2-е изд. ВЦИК. М. 1918 г.
 Организация Красной армии. Изд. ВЦИК. М. 1918 г. (Доклад на V съезде советов).
- Красная армия. Речь в ЦИК 22 апреля 1918 г. Изд. ВЦИК М. 1918 г.
- Слово русским рабочим и крестьянам. Речь на рабочем собрании 14 апреля 1918 г. Изд. „Жизнь и Знание“. М. 1918 г.
- Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую советскую республику. (Доклад на московской конференции РКП 28/III—18 г.). Изд. „Жизнь и Знание“. М. 1918 г.
- На борьбу с голодом. Речь 9 июня 1918 г. Изд. „Коммунист“. М. 1918 г.
- Письмо крестьянам-середнякам от Народного Комиссара по военным и морским делам. М. 1919 г.
- На страже мировой революции. Изд. „Советский Мир“. М. 1919 г.
 Наше военное строительство и наши фронты. (Доклад на VII съезде советов). Изд. ПУР. М. 1919 г.
- На фронтах. (Доклад 24 февр. 1919 г.) Изд. „Советский Мир“. М. 1919 г.
- Письмо крестьянину Пермской губ. Ивану Андреевичу Сигунову. Госизд. М. 1920 г.
- Организация труда. (Доклад на IX съезде партии). Изд. ПУР М. 1920 г.
- Мобилизация труда. Речь на III всеобщем съезде советов народного хозяйства. Госиздат. 1920 г.
- Бойна с Польшей. Доклад ВЦИК 5 мая 1920 г. Изд. политотд. Загфронта. 1920 г.
- Советская Россия и буржуазная Польша. Речь в Гомеле 10 мая 1920 г. Изд. ПУР. М. 1920 г.
- На производственный путь. Доклад на партийном собрании. Госиздат. М. 1921 г.
- Военная доктрина или? „мимовоенное доктринерство. Госиздат. М. 1921 г.
- Весенние прояски врагов. Изд. ВВРС. М. 1922 г.

- Основная военная задача момента. (Дискуссия о единой военной доктрине). Изд. ВВРС. М. 1922 г.
- Фронтов нет—опасность есть. ВВРС. М. 1922 г.
- Мировая революция и IV конгресс Коминтерна. Изд. ВЦИК. М. 1922 г.
- Задачи XII съезда РКП. И д. „Красная Новь“. М. 1923 г.
- Основные вопросы промышленности. И д. „Красная Новь“. М. 1923 г.
- Задачи коммунистического воспитания. И д. „Красная Новь“. М. 1923 г.
- Перспективы и задачи военного строительства. Изд. ВВРС. М. 1923 г.
- Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. Изд. „Московский Рабочий“. М. 1923 г.
- Новый курс. Изд. „Красная Новь“. М. 1924 г.
- Современное положение и задачи военного строительства. Изд. ВВРС. М. 1924 г.
- Ленин и старая „Искра“. Изд. Истпарта. М. 1924 г.
- Красная памятка. Изд. „Красная Звезда“. 1924 г.
- На путях к европейской революции. Изд. „Красная Новь“. М. 1924 г.
- Молодежь, учись политике. (Речь на пятилетнем юбилее Коминтерна). Изд. Мескпрофобра 1924 г.
- Ленинизм и библиотечная работа. (Речь на библиотечном съезде). Изд. „Красная Новь“. М. 1924 г.
- Ленинизм и клубная работа (Речь на созещании клубных работников 17 июля 1924 г.). Изд. „Красная Новь“. М. 1924 г.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“.

Н. ЛЕНИН (В. Ульянов).

• Собрание сочинений по темам:

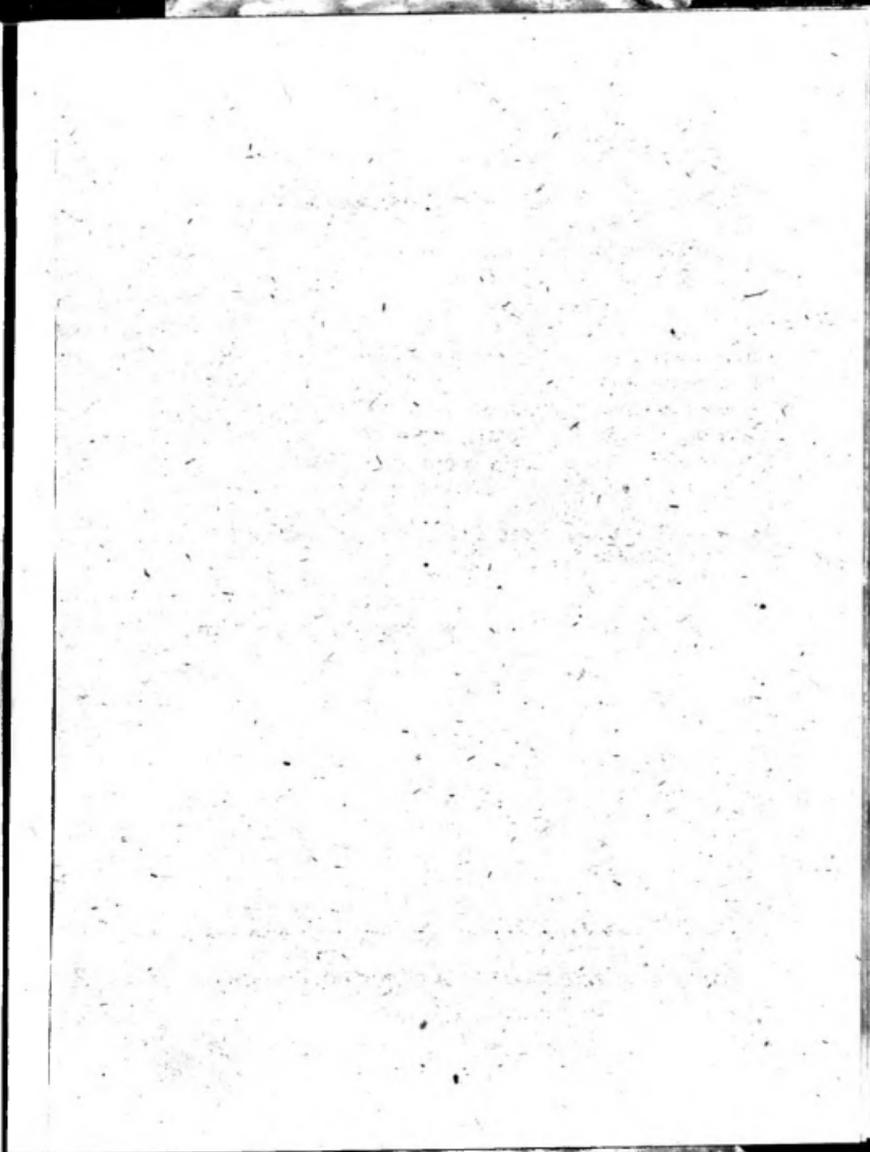
Основные задачи партии при нэпе	80 к.
Социалистич. революция и задачи просвещения . .	40 "
О партийном строительстве за 20 лет. (Раздвинулось. Печатается 2-е дополненное изд.).	
Задачи рабочей партии	45 "
Коммунистический Интернационал 1 р.	30 "
Крах II Интернационала. (В печати).	
Подготовка большевизма. В печати).	
Две тактики (меньшевики и большевики в революции). (Готовится к печати).	
Аграрный вопрос. (Готовится к печ.).	
Рабочий класс и крестьянство. (Готов. к печ.).	
Литературные характеристики. (Готов. к печ.).	
Речи и статьи Хрестоматия для школ политграмоты и совпартшкол	2 р 30 к.
Карл Маркс.—Краткий биографический очерк с изло- жением марксизма. 2-е изд.	15 "
Государство и революция. (В печати).	
Империализм, как новейший этап капитализма . . .	30 "
Лучше меньше, да лучше. (Готовится новое издание с пред. Н. К. Крупской).	
О кооперации	10 "
К 8-му марта	12 "

О Ленине и ленинизме.

А. Деборин.—Ленин как мыслитель	45 к
Г. Зиновьев.—В. И. Ленин	20 „
—На смерть Ленина	30 „
Л. Каменев.—Ленин и его партия	25 „
Г. Игнатовский.—О Владимире Ильиче	18 „
Н. И. Крупская.—О Владимире Ильиче. (В печати).	
А. Луначарский.—Ленин и просвещение. (В печати).	
А. Мартынов.—Великий пролетарский вождь	8 „
Сяч Молотов.—Ленин и партия за время революции	25 „
Г. Павлович.—Ленин (материалы к изучению ленинизма)	1 р —
Н. Н. Полов и А. А. Яковлев.—Жизнь Ленина и ленинизм	60 „
М. Понровский.—Ленин как историческая личность. (Готовится к печ.)	
Е. Претраженский.—В. И. Ленин (социологический набросок)	22 „
К. Радек.—О Ленине:	20 „
Ем. Ярославский.—Мысли Ленина о религии	30 „

Заказы направлять в Торгсектор Издательства:

Москва, Воздвиженка, дом № 9

4р.
Цена 15 н.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженского пер.).
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября
(б. Невский), 66.

- КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:
1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов—„Серп и Молот“.
 2. Москва, Сретенка, дом № 8.
 3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

